

Деконструируя «старшего брата»: опыт постсоветской трансформации в монгольском национализме

Для Монголии характерны тенденции, свойственные всему пространству бывшего Восточного блока (СЭВ, страны Варшавского договора и т. д.). Его сущность заключается в феномене так называемых национализирующихся государств. Под национализирующимся государством (термин Роджерса Брубейкера) понимается государство, еще не ставшее национальным, но пытающееся сделать свою государственность собственностью нации, номинально являющейся государствообразующей. Основная задача такого государства – достижение этнокультурной гомогенности (Brubaker, 1996: 63, 65).

В этом ракурсе нам интересен механизм перехода от риторики пролетарского интернационализма к националистическому нарративу. Как и почему исчез советский интернациональный проект в Монголии? Что такое комплекс «младшего брата»? Ответы на эти вопросы мы попытаемся найти в ходе данного исследования. Его актуальность обусловлена уже тем, что в 1966–1989 гг. на Монгольскую Народную Республику (МНР) приходилось 3/4 советских специалистов, работавших за рубе-

жом. В Монголии трудились представители почти всех республик СССР, выполнявшие «интернациональную миссию» помощи братской стране в деле строительства социализма. Основным тезисом пролетарского интернационализма было утверждение «нерушимой, братской дружбы советского и монгольского народов». Эта дружба предполагала внутреннюю иерархию – деление на «старшего брата» (советский народ) и «младшего брата» (монгольский).

Такая градация в своей основе имела «различие в уровне производительных сил», а следовательно, и «рабочего движения, являвшегося авангардом мирового прогресса». Тезис В.И. Ленина о том, чтобы *«оказать этим (в нашем контексте монголам – А.М.) отсталым и угнетенным, более чем мы, народам бескорыстную культурную помощь»* (Ленин, 1956: 228), легитимизировал право на культуртрегерскую позицию. Для жителей Монголии она выражалась в бескорыстной помощи на пути сложного формационного перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм. Как отмечал классик, *«с помощью пролетариата*

передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (Ленин, 1956: 228).

Идеологическая, техническая и финансовая помощь СССР Монгольской Народной Республике имела грандиозный масштаб и, как оказалось, непредсказуемые последствия. В советском политическом языке МНР заняла место второй в мировой истории страны победившего социализма. Советское доминирование в Монголии в сравнении с другими странами Восточного блока было наиболее длительным – почти 70 лет. За это время был накоплен огромный объем книг и статей, посвященных советско-монгольскому содружеству. При этом исследования велись не только в МНР и СССР, но и в США, Великобритании и Франции. Несомненно, модель «братского содружества двух народов» была уникальной идеологической разработкой советских теоретиков. Проблеме монгольского национализма посвящены работы Кристофера Атвуда, Баабара¹, Урайдийна Булага, Кристофера Каплонски, Оуэна Латтимора, Роберта Рупена, Лхамсурэна Мунх-Эрдэнэ. В методологическом плане мы опираемся на концепцию национализирующегося государства Роджерса Брубейкера (Brubaker, 1996), противопоставляя ее концепции антико-

лонияльного национализма Партхи Чаттерджи (Chatterjee, 1986).

I. Монгольский национализм 1990-х как предмет дискуссии

Основная масса работ, посвященных монгольскому национализму, написана либо американскими, либо британскими авторами. Монгольские исследователи, изучающие данную проблематику, принадлежат к вышеупомянутым академическим традициям. В рамках этих направлений сложилась школа так называемых постколониальных исследований Монголии². Отталкиваясь от теоретического посыла, заложенного в трудах Бенедикта Андерсена, Хоми Бхабхи, Гопала Балакришнана, Партхи Чаттерджи, они рассматривают этнонационализм как инструмент антиколониальной борьбы с советским наследием, проводя аналогию с британской Индией. Ключевыми концептами данной теории являются «сознание», «восстание» и «угнетение» (Chatterjee, 2000: 19).

Подобный подход во многом является наследием времен холодной войны, когда большая часть американских монголоведов писала о советском колониализме в Монголии. На наш взгляд осмысление советского в рамках модели резко негативных оценок вступает в противоречие с теоретическими построениями

¹ Баабар – это революционный псевдоним. Настоящее имя – Бат-Эдэнийн Батбаяр.

² Представителями этого направления являются Баабар, К. Каплонски, Л. Мунх-Эрдэнэ, Д. Снит.

постсоветских исследований. Содержательные характеристики этой дилеммы достаточно полно изложены в работе Андреаса Лангеноля (Лангеноль, 2004). Автор проводит различие между постколониализмом и постсоциализмом, делая акцент на «обрамляющих их институциональных и дискурсивных конфигурациях» (Лангеноль, 2004: 369). Советские политические риторики имели антиколониальную направленность. Более того, декларируемое большевиками право наций на самоопределение подчеркивало особую роль института национального государства, что также вступало в противоречие с практикой колониализма.

В данной работе мы попытаемся проследовать за западными коллегами и выявить противоречия в концепции советского колониализма. Важно провести границу между монгольским национализмом эпохи социализма и новой его вариацией, возникшей после революции 1989–1990 гг. Мы акцентируем внимание на том, что советский дискурс в отношении досоциалистической Монголии оперирует термином «племя», а социалистическую реальность описывает строго в категориях нации и национального государства.

При этом категория монгольской нации рефлексивируется в рамках ди-

хотомии «братского содружества советского и монгольского народов». Проблема «старшего брата» в данном контексте заключается в том, что, создав монгольский национализм как инструмент своей политики во Внутренней Азии³, Советский Союз в итоге от него же и получил отпор. Однако с распадом СССР в Монголии претерпели значительные изменения и национальные идентичности, сформированные в рамках социалистического проекта. Поэтому мы констатируем факт, что основной миссией монгольского национализма 1980–1990-х гг. было достижение полного (абсолютного) суверенитета страны, полученного в ходе революции 1989–1990 гг.

Ключевым тезисом аргументации нашей позиции является то, что Монголия существует как суверенное национальное государство с 1921 г., а следовательно, она не была колонией СССР. В данной ситуации уместно говорить о масштабном модернистском проекте (строительстве социализма), который по своей риторике и в рамках существовавших практик являлся антияпонским, антикитайским, а равно антиколониальным. В рамках этого проекта была сконструирована так называемая социалистическая монгольская нация. Несомненно, что, как и всякий

³ Внутренняя Азия – регион, включающий в себя Монголию, Автономный район Китая Внутренняя Монголия, а также субъекты Российской Федерации – Забайкальский край, Бурятию, Тыву, Алтай, Горный Алтай. Данный регион выделен на основе историко-культурной общности, включающей в себя религию (буддизм, шаманизм) и хозяйство (скотоводство). Изучением Внутренней Азии занимаются соответствующие департаменты в Гарварде и Кембридже, а также Исследовательский центр в Иркутске и Институт Внутренней Азии при Бурятском госуниверситете.

модерністскі праект, сацыялізм падразумеваў іерархічнасць, выражваючыся ў домінаванні СССР. Імяна гэта і стала аб'ектам увагі ў даннай статыі.

На наш выгляд, тэрмін «калонія» па адносінах да МНР будзе ўмясціна замяніць катэгоріяй «сатэліт», дастаточна даўно прынятай ў акадэмічнам супольнасці. Упершыню тэрмін быў уведзены Оуэнам Латціморам ў рабоце «Нацыяналізм і рэвалюцыя ў Монголіі» (Lattimore, 1955). Тэрмін «сатэліт» падразумевае зэркальнае адражэнне сацыяльна-політычных працэсаў ў краіне-патроне і, ў выпадку яе аслаблення, пераход на старону краіны-канкурэнта. У момант аслаблення краіны-патрона ўсе ісходзіўшыя ад яе ідэалагічныя ўстаноўкі мяняюць пазітыўнае значэнне на адрыццельнае і нао́борат.

Адрэльна стоіць адзначыць, што мы намерана абстрагуіруемся ад тэорыі панмонголізма⁴, сыгравшай а́громную ролю ў історыі МНР і а́кончальна ўтраціўшай сваё ўплыванне ў 1940 г. Ісследаванне панмонголізма – тэма для адрэльнай абшырнай наўчнай работы, здысь жа за а́тправную тачку бярэцца бале поздынь пе-

рыод сацыялістычнай нацыі. Панмонголізм імеў саўрэнна іныя істочкі і садрэжэнне, чым нацыяналізм другога паловыны ХХ в. Ісключая гэту канцэпцыю з сфэры увагі, мы ігноруем ідэю аб прамой преемстваннасці нацыяналізмаў Унутранняй Азіі. Імяна на яе а́сновываецца посткалоніяльнаы падход історыі саўветска-монгольскіх адносінаў. Он падразумевае та́жэ преемстваннасць саўветскай політыкі ў Монголіі і політыкі Расійскай імперыі прыдыдучага перыода.

Мы спытаемся дэконструіраваць ідэалагічныя мадэлі саўветска-монгольскага саўдружства. У цэнтры нашага увагі язык самоапісання нацыянальнай політыкі эпохі сацыялізма, а́лючавымі катэгорыямі которага яўляюцца «інтэрнацыяналізм», «саўдружства», «монгольскаа нацыя». У даннай сітуацыі ва́жна выявіць дыспозыцыі дамінавання і іх ролю ў сацыяльнай практыке. Гэта мадэль падразумевае аналіз катэгорыяў родства ў саўветскай політычнай мове, што а́ткрывае ва́зможнасць для апісання сутнасці ізучаемага яўлення і расстаноўкі а́цэнтаў ў дыскусыі аб саўветскай ка́лоніялізме ў МНР і ў

⁴ Панмонголізм – ідэалагія аб'яднання ўсех монгольскаязычных народаў, ва́знікаючая ў срэды бурятскай інтэлігенцыі ў канцы ХІХ в. У 1919 г. іспользаваць даданую ідэалагію ў сваіх цэлях спытаўся лідэр белага дывіжэння Забайкалья атаман Г.М. Семеаў, но бэз а́сабога ўспеха. Гэта ідэалагія сыграла бале шырокую ролю ў рэвалюцыі 1921 г. ў Монголіі, т.к. прывлекла ў рады монгольскіх баўраў за наўзавісамасць бурятскіх інтэлігентаў. Аднако ўже 1920-е гг. яе аб'явілі рэакцыянайнай, а яе а́сновныя ідэалагіы былі а́суджаны. У 1930-е гг. НКВД СССР сфа́брыкавала та́к называемае бале шырокае панмонгольскае дэла, па котораму расстрэлялі тысячы гражданаў СССР і МНР. А́тказ ад ідэалагіі панмонголізма абуслаўваў ва́знікнаўенне дыух наўных нацыяў – халха-монгольскай і бурят-монгольскай, – ра́злічваючыся па мове і культаўре.

частности о культуртрегерской миссии советских специалистов в Монголии.

II. Национальная политика в Монголии эпохи социалистического строительства

Право наций на самоопределение, декларированное большевиками, обеспечило монголам с 1921 г. фактически – а с 1945 г. юридически – суверенное государство. Страна начала «переход от феодализма к социализму» в условиях антиколониальной борьбы с Китаем и радикально националистических настроений внутри политической элиты. В ходе перипетий 1920–1930-х гг., связанных с жесточайшей внутрипартийной борьбой за власть и политическими репрессиями, победила идеологическая линия Москвы и Коминтерна. С этого момента начался процесс формирования социалистической монгольской нации, включившей в себя монголов, живших на территории МНР. В ходе этого процесса под этнонимом «монгольская нация» (монголын үндэстэн) стали понимать монголов МНР, а под «монгольским национальным

меньшинством» – монголов Китая. Основной точкой отсчета является 1940 г., когда в Конституции МНР было закреплено решение о начале строительства социализма.

Оформление нации сопровождалось ускоренной модернизацией: создавались промышленные предприятия, госхозы, росло количество городов, увеличивался процент городского населения. Все это разрушало структуру скотоводческого айла⁵, способствуя укреплению новых типов солидарности, основным из которых после классового стал национальный. 1920–1930-е гг. – период активного изобретения классовой борьбы в условиях кочевого общества. Эту борьбу к началу 1940-х гг. объявили законченной. Социальная структура МНР (в советских идеологических схемах) состояла из национального пролетариата, трудового аратства⁶ и интеллигенции. Именно из этих составляющих формировалась монгольская социалистическая нация.

Ее конструирование сопровождалось формированием новых политических идентичностей и лояльностей. Знаковыми аспектами идентификации периода МНР являлись членство в Монгольской народно-революционной партии⁷, социализация в институтах, выстроенных

⁵ Айла (монг.) – кочевье, поселение скотоводов, группа юрт.

⁶ Араты (монг.) – 1) скотоводы Монголии; 2) народ.

⁷ Монгольская народно-революционная партия (Монголын ардын хувьсгалын нам) – создана в 1920 г. при содействии ВКП(б). В 1921 г. лидеры партии возглавили народную революцию и встали во главе Монгольской Народной Республики, а монополия партии на власть была закреплена конституцией 1940 г. Формально партия являлась инструментом диктатуры трудового аратства. Сегодня фракция МНРП представляет парламентское большинство в Монголии.

по советскому эталону, а то и напрямую в СССР (например, при получении высшего образования).

Начиная с 1950 г. Монголия полностью отказалась от древнемонгольского вертикального алфавита и перешла на кириллицу. Этот шаг должен был способствовать беспрепятственному заимствованию передовых знаний из СССР. Считалось, что благодаря переходу на кириллицу монгольская нация преодолела неграмотность, что получило признание ЮНЕСКО (Лиштованый, 2007: 63). Имела место попытка введения и унификации фамилий, которая в итоге оказалась провальной. В паспортах теперь обходятся указанием имени и отчества. Монголы МНР начали существенно отличаться от монголов КНР по языку (в МНР он изобилует заимствованиями из русского), алфавиту, образу жизни (в МНР создан колхозный строй по образцу СССР).

В паспортах была введена графа «национальность», которая делила население на монголов, бурятов, казахов и тувинцев (урянхов). За период социализма в МНР сформировалась монгольская нация. Под этой категорией мы понимаем нацию (ундэстэн), включившую в себя племена (ястан) Внешней Монголии (Халха) и исключившей племена китайской Внутренней Монголии. Однако племенное деление в условиях социализма отрицалось, точнее, оказалось вытесненным на периферию. Осознание себя как монголов приходило через противопоставление русским, китайцам и тибетцам.

III. Советское присутствие

Основная задача присутствия советских граждан в МНР заключалась в оказании интернациональной помощи в деле строительства социализма. Была сформирована целая система идеологического обоснования советского присутствия. Монголия представлялась как «большая социалистическая стройка», в суровых условиях которой было «место для подвига и интернационального долга». В 1960–1980-е гг. количество гражданских специалистов из СССР в Монгольской Народной Республике достигло максимума. Ежегодно в Монголию командировали и продлевали пребывание почти 5 тыс. человек, по данным на 1985 г. – 5 827 гражданам СССР (Ганжуров, 1997: 56).

Помимо гражданских специалистов в стране находился большой контингент советских военных (все это при населении МНР в 3 млн человек).

В стране были построены советские школы, детские сады и музеи. Сформировалась система спецмагазинов с товарами престижного потребления для советских специалистов. В условиях тотального дефицита в МНР в 1970–1980-е гг. это порождало антисоветские настроения, перераставшие в этнонационалистические выступления. В среде советских специалистов широкое распространение получило выражение «курица – не птица, Монголия – не заграница». Это вынудило развернуть борьбу против русско-

го великодержавного шовинизма, в ходе которой советские специалисты, проявившие подобные идеи, могли в течение 24 часов быть высланы в СССР.

К 1970-м гг. советская миссия в Монголии окончательно утратила черты романтики строительства социализма, страна стала площадкой для карьеры и доступа к материальным ценностям. Произошла деромантизация и дегероизация пребывания в Монголии. Основной задачей времени стало сохранение в среде совспециалистов «советского образа жизни» – канона поведения, включающего в себя соблюдение ритуалов и воспроизводство риторик интернациональной миссии (Михалёв, 2008: 7–29).

За сохранением морального облика советских граждан (в соответствии с Кодексом строителя коммунизма) следило посольство и общество советских граждан в Монголии. Именно эти институты отвечали и за идеологическое наполнение повседневности советских граждан в МНР. Отклонение от установленных правил наказывалось отправкой на «Большую землю» – в СССР. Это влекло за собой потерю ряда преференций в виде чеков и возможности доступа к дефицитным товарам.

За длительный период пребывания в стране в МНР сложился целый слой советских граждан, которые были полностью интегрированы в социально-экономическую систему престижного потребления в условиях нарастающего дефицита товаров уже не только в МНР, но и в СССР

(Михалёв, 2008: 7–29). К концу 1980-х гг. в Монголии существовало две реальности – советская и монгольская, – между которыми нарастала социальная напряженность, приведшая к драматическим событиям зимы 1989–1990 гг.

IV. Демократическая революция 1990 г. и МОНГОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СИТУАЦИИ ПОСТСОЦИАЛИЗМА

Радикальные перемены в Монголии начались в декабре 1989 г. С этого момента руководство Советского Союза потеряло контроль над МНР. В стране началась волна антисоветских этнонационалистических выступлений. В Улан-Баторе возникла первая оппозиционная коммунистическому режиму организация – Союз демократических сил. Представители этого Союза 14 января 1990 г. выдвинули политические требования и объявили голодовку. В столицу стянули войска, назревало столкновение между солдатами и демонстрантами. В итоге победа оказалась на стороне демократов, а коммунистическое руководство страны, опасаясь «румынского сценария», подало в отставку. В Монголии начался новый этап нациестроительства. Все советское объявили чуждым и враждебным. Страну в спешном порядке покинуло русскоязычное население (подробнее см.: Лиштванский, 2007).

Революция зимы 1989–1990 гг. прошла под лозунгами реабилита-

ции Чингисхана, имя которого в период социализма очернялось и дискредитировалось. С 1990 г. он является символом страны – фигурой, вокруг которой формируется национальная идентичность. Возвращение Чингисхана должно было напомнить «старшему брату» о временах татаро-монгольского ига и поставить вопрос о легитимности этого старшинства. Портреты Чингисхана в руках демонстрантов были формой протеста против навязанного СССР понимания истории и сущности исторического пути страны (Kaplonski, 2004: 121).

Начало 1990-х – это время «возвращения к истокам», время активного познания и изобретения традиций. Тогда же имела место попытка отказа от кириллического алфавита и возврата к старомонгольскому вертикальному письму. Однако реформа закончилась решением дублировать все тексты государственного значения на двух алфавитах. Это было связано с тем, что монгольская политическая элита, получившая образование в СССР и странах СЭВ, вертикальным письмом практически не владела.

Монголия перестала именоваться Народной Республикой и возвратила название времен Чингисхана – Монгол улс (Монгольское государство). Конституция страны также получила имя по аналогии со средневековым

законом Их Засаг (Великая Яса)⁸. Все эти решения были приняты по итогам всенародного референдума 1992 г. В ходе пропагандистской кампании по его подготовке агрессивно ставился вопрос о национальной идентичности: «Если ты монгол, голосуй за Их Засаг» (Bulag, 1998: 24). Это символизировало конец советской правовой системы в Монголии (так называемых Народных конституций) и возврат к временам империи, которые клеймились в советское время как период феодализма, отсталости и угнетения.

Немалую роль в событиях 1990 г. сыграла публикация сведений об уровне обеспечения промышленными и продовольственными товарами советских закрытых предприятий по добыче урана и молибдена в условиях тотального дефицита в «монгольских» магазинах. Это дало основание американской академической традиции, опиравшейся на теорию П. Чаттерджи, считать эту революцию антиколониальной (Kaplonski, 2004).

Несмотря на то, что тезис о советском колониализме является спорным, в Монголии у него есть свои сторонники⁹. Следуя этой логике, монгольский национализм является инструментом антиколониальной борьбы.

На наш взгляд, состояние Монголии правильнее определять как пост-

⁸ Великая Яса – свод законов монгольской империи эпохи средневековья, предположительно лично созданный Чингисханом.

⁹ Ведущие позиции в развитии этого направления занимает факультет антропологии Монгольского госуниверситета во главе с Л. Мунх-Эрдэнэ. В сфере публичной политики сходные идеи отстаивает ученый, публицист, один из лидеров революции 1990 г. Баабар.

социалистическое, чем постколониальное. Набившие оскомину штампы пролетарского интернационализма и классовой солидарности в условиях жесточайшего экономического кризиса побудили монгольскую элиту к переосмыслению в националистическом ключе места своей страны в мировом сообществе. «Старший брат» как дискурсивный конструкт был денатурализован под давлением социального расслоения и комплекса «младшего народа».

Эволюционистский проект всегда догоняющего «младшего брата» сменился на самодостаточность концепции «монгольской кочевой цивилизации», наследницы более древних культур Евразии – гуннов (хунну), сяньби, жуань-жуань, тюрков (о такой модели истории см.: Ваабар, 1999). Революция стала моментом зарождения новой монгольской идентичности. В ходе преобразований 1990-х гг. Монголия из молодой народной республики превратилась в государство с самой древней и великой в Евразии историей, ведущей отсчет с 1206 г.

V. Прощание с «советским»: специфика исторической памяти

С первых же дней революции в Монголии развернулась борьба с советским наследием, в первую очередь был снесен «чудом» сохранившийся до 1990 г. памятник Иосифу Сталину, вслед за ним убрали памятники Владимиру Ленину, разрушили

ленинский музей и музей комсомола. Все это сопровождалось масштабной публикацией работ о репрессиях 1937 г. в отношении политических деятелей МНР, которые проводились при участии СССР. В 1989 г. масштабным тиражом с переводом на несколько европейских языков вышла книга монгольского публициста Баабара «Не забудь! Иначе гибель» (Баабар, 1989). В ней описаны все драматические события истории советского присутствия в стране. Автор отметил, что при участии НКВД СССР и советников Коминтерна монгольская Государственная внутренняя охрана расстреляла трех премьер-министров МНР. В книге отмечается марионеточность монгольского правительства времен Хорлогийна Чойбалсана и Юмжагийна Цеденбала. Автор подчеркнул, что монголы утратили основы своей цивилизационной идентичности: буддизм, вертикальное письмо, уничтоженный коллективизацией кочевой образ жизни (Баабар, 1989: 35). Как философски отметил Баабар, один из идеологов монгольской демократии: «70 лет возили крупу не по той дороге». Это высказывание стало девизом преобразований начала 1990-х гг. (Лиштованный, 2007: 78).

Прощание с советским наследием сопровождалось уличными нападениями на советских граждан. Здания советского посольства, консульств, торговых представительств и даже жилые дома обносили металлическими заборами. Авторитет советских советников, специалистов и даже советских товаров стремительно падал. К началу 1992 г. из страны уехали

практически все граждане бывшего СССР, значение всего советского достигло нулевой отметки.

Кульминацией этого процесса стала публикация в прессе сведений о том, что в смерти вождя монгольской народной революции 1921 г. Дамдины Сухэ-Батора был виновен уполномоченный Коминтерна Элбек-Доржи Ринчино. Зачастую такие непроверенные сведения работали на формирование образа врага в лице СССР. В это же время широко публиковались оставшиеся в спецхранах работы репрессированных монгольских национальных деятелей 1920-х гг. На протяжении 70 лет они клеймились как образец реакции и шовинизма, однако в начале 1990-х получили новую жизнь. Страна узнала, что под давлением «старшего брата» велась *«политика замалчивания и утайки сведений о величии страны и монгольской нации»* (Kaplonski, 2004: 14).

В логике национализирующегося государства ставился вопрос о возвращении государственного долга. В 1990 г. в русскоязычной газете «Новости Монголии» было опубликовано письмо писателя Жамбына Пурэва к президенту СССР Михаилу Горбачеву – «Действительно ли Монголия должна Советскому Союзу?». Основной тезис статьи заключался в том, что СССР поставлял товары в МНР по заведомо завышенным ценам, а советская армия нанесла непоправимый урон экологии страны. Пурэва поддержал и министр финансов Демчигжавын Моломжамц, заявивший в газете «Унэн» («Правда»), что сумма долга искусственно завышена. Когда же Монголия вернула 250 млн

долларов, депутат парламента Ламжав Гундалай заявил, что долг выплачен убийцам, репрессировавшим 30 тыс. монгольских граждан, хотя и пояснил, что его обвинение касается большевиков, а не жителей современной России (Лиштованный, 2007: 66–67).

Современные монгольские идентичности максимально дистанцируются от предыдущей эпохи, хотя революционный запал иссяк еще к середине 1990-х гг. Уже в 1996 г. тренд окончательно сменился в пользу сотрудничества с Россией. Монголия, географически зажата между Россией и Китаем, оказалась экономически неспособной решать задачи собственного развития без поддержки соседей, поэтому националистические претензии начали спадать. Однако практически все идеологические конструкты эпохи интернационального содружества советского и монгольского народов оказались на периферии. Советское наследие сохранилось лишь в сфере экономики в виде совместных предприятий по добыче природных ископаемых.

Сегодня мы можем однозначно констатировать, что в 1990 г. произошло столкновение монгольского национализма с русским великодержавным шовинизмом. О последнем предупреждала еще инструкция уполномоченного ЦК ВКП(б) в Монголии, утвержденная 23 апреля 1932 г. и категорически пресекавшая любые проявления шовинизма. Именно советская национальная политика, пытавшаяся сформировать братское содружество двух народов, фактически спровоцировала рост этнонационализма. Проект содружества

оказался несостоятельным в силу неравноправия «братьев».

Крах ленинской идеи о праве наций на самоопределение становится все более очевидным во второй половине 1990-х гг. под давлением но-

зации идеи нации монголов (которой в XIII в. быть не могло) и выдвинул на первый план племенное деление. Опираясь на эту форму солидарности, началось конструирование современной монгольской нации.

Таблица 1. Динамика племенной дифференциации во Внешней Монголии второй половины XX в. (данные профессора Б. Ширнэна)

Племена Монголии	1956	1963	1969	1979	1989	2000
халхасы	639 141	775 376	911 079	1 235 806	1 610 424	1 934 674
казахи	36 729	47 735	62 812	84 305	120 506	102 983
дербеты	25 667	31 339	34 725	45 053	55 208	66 706
буряты	24 625	28 523	29 772	29 802	35 444	40 620
баяты	15 871	19 891	25 479	31 053	39 233	508 824
дарьганга					29 000	31 000
захчины					23 000	29 000
урянхи					21 300	25 000
хотоны	2 603	2 874	4 056	4 380	6 076	9 014
баргинцы	2 458	2 343	2 305	1 999	2 130	2 506

вых идентичностей. С этого времени монгольская нация периода социализма начала распадаться на племенные группы: халхасы, баяты, дюрбеты и т. д. В разделе «гражданство» теперь указывают Монголию, в разделе «этничность» – принадлежность к племенной группе, ястан (кость, род). На первый план выступила подавлявшаяся в период социалистического нацистроительства идеология трайбализма. В основу новой монгольской идентичности ложится принадлежность к группе халхасов, численно и политически доминирующей в современной Монголии. Считается, что именно халхасы лучше других сохранили монгольскую этничность, поскольку в меньшей степени подверглись русификации и китаизации. Лозунг возврата к временам империи привел к деактуали-

VI. Советские символы в новом контексте

Советское наследие в Монголии, несмотря на все описанные события, не было утрачено полностью. Причин тому, на наш взгляд, две. Первая заключается в том, что монгольский национализм 1990-х гг. был продуктом нацистроительства эпохи социализма. В 1990-е гг. монгольская идентичность только усилила опору на халхасский субстрат, не расширив его за счет других монголоязычных соседей. Напротив, в это время стала четче прослеживаться идея о том, что монголы в условиях МНР сохранили чистоту крови в отличие от своих соплеменников в Китае и России. Вторая причина – это потребность в легитимации суверенитета,

завоеваннага в сражэнні на Халхін-Голе і зацверджанага саглашэннямі 1945 г. Поўны адказ ад савецкага наследзя можа паставіць вопыс ад нелегітымнасці суверенітэта сучаснай Монголіі, якая да рэвалюцыі 1921 г. уваходзіла ў склад Кітая.

У гэтым кантэксце асабае значэнне захоўваюць помнікі савецкім салдатам, пагібшым на Халхін-Голе. Сюда ж адносіцца меморыял маршалу Жукову ў Улан-Баторе, нецрунуты ў ходзе нацыяналістычных пераабразаванняў пачатку 1990-х. С ім звязваюць права на суверенітэт, якое Монголія адстаяла ў ходзе Другой сусветнай вайны – ў 1939 г. на Халхін-Голе і ў 1945 г. на Ялцінскай канферэнцыі (падробнее см.: Міхалёў, 2009). Тут ж трэба адзначыць, што ў пачатку 2000-х гг. риторыка, звязаная з савецкай вайскавай дапамогай, стала свабоднай ад комплексу «старшага брата». Монгольскія гісторыкі адзначаюць, што ў адказ на дапамогу пры Халхін-Голе МНР на працягу ўсёй Вялікай Айчыннай вайны аказвала дапамогу СССР, а ў 1945 г. монгольскія войскі прынялі ўдзел у разгроме Квантунскай арміі.

Савецкія сімвалы вайскавага саюзніцтва лёгка натуралізаваліся ў палітычным мове сучаснай Монголіі. Яны сталі часткай палітычнай гісторыі гэтай краіны. Нават сёння, калі Японія з'яўляецца адным з найбольшых інвестараў монгольскай эканомікі, ёй было адказана ў праве перасмотра падзеяў 1939 г. Японскія вучоныя і палітыкі па сённяшні дзень настаіваюць на прызнанні ўказаных падзеяў

локальным іцыдэнтам ў рамках савецка-японскага канфлікту на Далёкім Усходзе. Там не менш, бітва на Халхін-Голе з'яўляецца аднаю з першых буйных пераходаў монгольскай арміі за ўсё новае і найноўшае час, а таму займае ў мадэлях ідэнтыфікацыі важнае месца, будучы прадметам нацыянальнай гонары.

Большае значэнне ў справе канструіравання новай халха-монгольскай нацыі мае савецка-монгольскае саюзніцтва ў вобласці асваення космоса. Свідельства таму – наўдаўно апублікаваныя мемуары першага монгольскага касманаўта Гуррагчы. Гэтая кніга пад названнем «Сэрдачна блізкі монт» мела ўспех як прыклад стойкасці нацыянальнага характара, здольнага на асваенне як стэпных прастораў, так і прастораў космоса.

«Монгол хун – баатар» («Монголы – гэты багатыры»). Падобная формула олицетворяет сучасную нацыянальную ідэю. Яна легітымлізуе ўсе мадэрнізацыйныя змяненні і адносіны да новаввядзенняў, прайшоўшым у ХХ в.

***

Эпоха «старшага брата» закончылася разам з распадам Савецкага Саюза, аднак яе наследзе да сённяшніх дзён не асэнсавана. У наш час Расія спрабуе востанавіць пазіцыі ў Цэнтральнай Азіі, і ў риторыцы яе чыноўнікаў сталі праскальзывать формуліроўкі савецкага часу. Асабаа добра гэта відаа на прыкладзе Монголіі. На змену экспарту ідэй марксізма Расія прапанауе праваславіе, пастаянна напамінаючы аб вялікай цывілі-

зующей миссии советского народа. В период 2000–2010 гг. в Улан-Баторе открылись две православные церкви, при этом основная масса прихожан – граждане России, находящиеся по служебным делам в Монголии. Православные священники ведут активную прозелитскую политику в отношении монгольского населения, но особых результатов не достигают: 90% граждан страны исповедуют буддизм. Все это способствует росту националистических настроений в стране с самым низким уровнем жизни в Восточной Азии¹⁰.

Тоска по величию империи Чингисхана давно перекинулась из Монголии в приграничные регионы России – Туву, Бурятию, Забайкальский край и даже отчасти в отдаленную Якутию. Однако в отличие от ситуации начала XX в. речь не идет о панмонголизме, поскольку это явление совершенно иного плана. Сегодня уместнее говорить о борьбе за имперское наследие, за право считаться потомками Чингисхана – самыми «чистокровными и последовательными». Такая тенденция нашла отклик и в соседнем Китае, монголы которого считают себя прямыми наследниками Великого Хана.

На наш взгляд, все это реакция на политику «старшего брата», ответная попытка стать старшим и более древним народом. Отсюда идея нации, экстраполируемая в древность, и совершенное забвение нацистротельства 1920-х гг. Оно, напротив, рассматривается как отход от традиции – регресс эпохи социализма. Од-

нако именно образ «старшего брата» как ни что иное способствовал сплочению националистических сил и разрушению племенных и прочих барьеров на пути к этноконсолидации. В период социализма национальный проект опирался на совокупность всех племен Внешней Монголии. При этом категория монголов того времени не подразумевала внутренней дифференциации.

Уход России из Монголии в начале 1990-х гг. и быстрая денатурализация идеи «старшего брата» привели активно национализирующееся монгольское государство к тупику идентификаций. Единая идентичность «монголов» к середине 1990-х распалась на мелкие племенные идентичности – халхас, бурят, дюрбет, баят, мянгат и т. д. Именно на этом этапе одна модель национализма сменила другую.

Монгольский национализм конца 1990-х гг., выполнив функцию победы над «старшим братом», быстро начал уступать халхацентризму. Этот тип национализма в Монголии ставит своей задачей легитимацию политического господства доминирующей политической элиты и представляет собой барьер на пути китайского влияния.

Как отмечает Урайдийн Булаг, халхацентризм пытается присвоить себе историю всех монголоязычных народов, ставя во главу угла принцип чистоты крови в среде государств, позиционирующих себя наследниками империи Чингисхана.

¹⁰ В экономической сфере Монголия ориентирована на Китай, Южную Корею и Японию. Поэтому основные экономические показатели Монголии берутся в сравнении со странами Восточной Азии.

Літаратура

1. Baabar. *From World Power to Soviet Satellite. History of Mongolia*. Cambridge, 1999.
2. Brubaker, R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996.
3. Bulag, U.E. *Nationalism and Hybridity in Mongolia*. Oxford, 1998.
4. Chatterjee, P. *The Nation and Its Peasants // Mapping Subaltern Studies and the Postcolonial*. London and New York, 2000.
5. Chatterjee, P. *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse?* Delhi, 1986.
6. Kaplonski, C. *Truth, history and politics in Mongolia. The memory of heroes*. London and New York, 2004.
7. Lattimore, O. *Nationalism and Revolution in Mongolia*. Leiden, 1955.
8. Munkh-Erdene, L. *The Mongolian Nationality Lexicon: From the Chinggisid Lineage to Mongolian Nationality (From The seventeenth century to the early twentieth century) // Inner Asia*. 2006. Vol. 8.
9. Баабар. *Буу март. Мартвал сононо!* Улан-Батор, 1989.
10. Ганжуров, В.Ц. *Россия-Монголия (На трудном пути реформ)*. Улан-Удэ, 1997.
11. Лангеноль, А. *Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // Ab Imperio*. 2004. № 1.
12. Ленин, В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 43. 1956.
13. Лиштованный, Е.И. *От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии*. Иркутск, 2007.
14. Михалёв, А.В. «Русский квартал» Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики // *Вестник Евразии*. 2008. № 2 (40).
15. Михалёв, А.В. *Советское политическое присутствие в Монголии: память о героях и риторика преемственности в российском историческом нарративе // Ab Imperio*. 2009. № 2.